ПОВОЛЖСКИЕ ЗЕМЛИ
В ЭПОХУ РУССКО-КАЗАНСКИХ ВОЙН

Сборник статей
по материалам научно-практического онлайн-семинара,
посвященного 500-летнему юбилею
основания крепости Васильсурск в 1523 году

Нижний Новгород
Свияжск
2024

УДК 908(470.341)
ББК 26.89(2Рос –4Ниж)
П42

Рецензенты:
д-р ист. наук А. Е. Негин,
канд. ист. наук А. А. Сорокин

Редколлегия:
канд. ист. наук, мл. науч. сотр. ЛГИ НГУ Б. А. Илюшин,
археолог Е. В. Четвертаков

П42 Поволжские земли в эпоху русско-казанских войн [текст]: сборник статей по материалам научно-практического онлайн-семинара, посвященного 500-летнему юбилею основания крепости Васильсурск в 1523 году / под ред. Б. А. Илюшина, Е. В. Четвертакова. – Нижний Новгород; Свияжск, 2024. – 156 с., ил.

ISBN 978-5-4437-1714-2

В сборник вошли статьи археологов и историков, посвященные истории и культуре народов Поволжья в XV–XVI веках и представленные в виде докладов на научно-практическом онлайн-семинаре, 500-летнему юбилею основания крепости Васильсурск в 1523 году. Хронологические рамки определены спецификой периода московско-казанских войн. Сборник предназначается для археологов, историков, музейных работников, краеведов и широкий круг читателей, интересующихся археологическим наследием народов Российской Федерации.

УДК 908(470.341)
ББК 26.89(2Рос –4Ниж)

ISBN 978-5-4437-1714-2
DOI 10.25205/978-5-4437-1714-2

© Коллектив авторов

DOI 10.25205/978-5-4437-1714-2-3

Д. А. Козлов
НИИГН при Правительстве Республики Мордовия
demetriy87@gmail.com

ТРАДИЦИИ НОШЕНИЯ УКРАШЕНИЙ МОРДОВСКИМИ ЖЕНЩИНАМИ ТЕРЮШЕВСКОЙ ВОЛОСТИ В XVI–XVII ВВ. ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК СТАРОСЕЛЬСКОГО МОГИЛЬНИКА

В статье на основе статистических материалов, полученных в процессе анализа инвентаря погребений женщин из мордовского терюханского Старосельского могильника (Нижегородская область), рассмотрены закономерности распределения украшений в позднем средневековье. Исследование проведено на основе методологии социальной археологии, в рамках которой уже имеются результаты по этому вопросу в золотоордынское время. Изучение материалов XVI–XVII вв. позволило определить традиционность обрядовой культуры мордвы-терюхан в вопросе сопровождения умерших женщин предметами украшения тела и костюма. Выявлены новые категории украшений, отсутствовавшие в предшествующее время. На сравнительном материале с мордвой-мокшей и марийцами, выявлены характерные для мордвы традиции, отсутствовавшие у родственных финно-угорских народов в эпоху Великого княжества Московского и Российского царства.

Ключевые слова: мордва-терюхане, мордва-мокша, марийцы (черемиса), браслет, перстень, сюльгама, Великое княжество Московское, Российское царство, Старосельский могильник.

Работа выполнена при поддержке гранта РНФ, соглашение №22-28-20314 «Этногенез народов Западного Поволжья в эпоху средневековья»

Изучение социального устройства и характеристик различных групп мордовского народа на археологическом материале представляется перспективным направлением научных исследований. Подобные исследования достаточно редки и являются синтезом данных археологии и антропологии, позволяющие выявить те или иные характеристики древних обществ, не явно присутствующие в археологических комплексах и выявляемые на основе методики социальной археологии.

Письменные источники XVI–XVII вв. содержат отрывочные сведения о социальном устройстве мордвы и позволяют только наметить различные социальные группы в вертикальном направлении (князья, мурзы, простолюдины), при этом оставляя остальные вопросы социологии эпохи позднего средневековья открытыми. Одним из таких вопросов, затронутых нами ранее по золотоордынскому времени (Козлов, 2024, в печати), является традиция ношения украшений различных категорий мордовскими женщинами, связанная с возрастом, и её отражение в археологическом материале погребальных комплексов. При разработке темы возникли вопросы и по комплексам XVI–XVII вв.

В отечественной науке первым подобным опытом является работа Л. М. Плетневой по материалам раскопок могильников развитого средневековья из Томского Приобья

(басандайская культура), где автор сделала попытку сопоставления инвентаря исследованных погребальных комплексов с полом и возрастом похороненных в них людей. Это позволило учёной выявить возрастные группы мужчин и женщин с различным наполнением инвентарем (Плетнева, 1997. С. 76–79). Данное направление получило ещё более детальное и целенаправленное развитие в работах Н. А. Берсеневой, проводившей подобные исследования на материалах саргатской культуры Западной Сибири (Берсенева, 2011) и памятниках эпохи бронзы Южного Урала (Берсенева, 2019). И. Г. Шапран и Л. А. Сенникова в работе, посвященной публикации материалов марийского Кадочниковского могильника, также делают попытку выявить традиции ношения украшений у женщин по возрасту – одному из аспектов социального устройства народа (Шапран, Сенникова, 2014. С. 33–34). По мордве такие попытки по материалам XVI–XVII вв. пока не предпринимались.

Особенностью социальной археологии является рассмотрение предметов из погребальных комплексов с точки зрения их взаимосвязи с самим человеком (интерпретационный подход). Соответственно это предполагает использование подобной информации из материалов раскопок – сопутствующего умершего человека инвентаря (археологических артефактов) и останков самого человека (антропологические характеристики). Отсутствие того или иного компонента предопределяет невозможность изучения материала в этом направлении. Наибольшую важность с точки зрения социальной археологии представляет пол и возраст человека, дающий возможность выявить особенности обряда или набора предметов, характерных для той или иной половозрастной группы и выделить на основе этого структуры иерархии (или их отсутствие).

Описанные выше условия, предполагают использование в таких исследованиях только материалов, где имеются подобные данные. К сожалению, это было редкостью в предшествующие периоды развития отечественной науки. На современном этапе для археологических раскопок характерна комплексность изучения и нужные материалы встречаются довольно часто. Одним из памятников, изученных на высоком современном уровне, позволяющем делать социально-археологические исследования, является Старосельский могильник мордвы-терюхан, охватывающий значительный хронологический диапазон, в том числе и XVI–XVIII вв.

Старосельский могильник находится в Дальнеконстантиновском районе Нижегородской области, на высоком правом берегу р. Озерка, в 1 км к ЮЮВ от с. Староселье, между оврагами. Экспедицией под руководством Е. В. Четвертакова в 2016–2019 гг. (антропологические определения К. Н. Втюриной), исследовано 41 погребение XIII–XVIII вв. (Четвертаков, 2016–2019). Данный памятник является одним из немногих погребальных памятников мордвы, исследованных научными раскопками в наше время, включая

антропологические характеристики похороненных там людей. Изученный в 2016 г. под руководством С. И. Андреева Бокинский могильник относится только к золотоордынскому времени и опубликован частично (Андреев, 2019). Левженский могильник, раскопанный экспедицией ООО «Фонд научного краеведения Липецкой области» совсем недавно – в 2022 г., находится на стадии изучения и материалы из него пока лишь озвучены и отрывочно опубликованы.

При изучении антропологических материалов из Старосельского могильника были выявлены останки 13 женщин, живших в XVI–XVII вв. Среди них: девочек – 8 (погребения 12, 15, 23, 25, 33, 34, 36, 39), молодая (20–25 лет) – 1 (п. 21), среднего возраста (30–40) – 3 (п.п. 14, 32, 38), пожилая (40–50) – 1 (п. 31). Выборка достаточно небольшая, поэтому результаты анализа безусловно необходимо сверить с другими памятниками и периодами. Распределение предметов убранства костюма и украшений представлены в Таблице 1.

Как видно из этих данных, подковообразные застёжки с завернутыми в цилиндрики концами (с продольными желобками и без них), имеются почти у всех женщин, независимо от возраста (кроме п. 12). Подковообразные застёжки с напаянными на расплющенные концы вставками из стекла (чёрного и бирюзового), встречаются у женщин с возраста 20 лет (п. 14) и старше. Исключением является п. 25, где подобная застёжка имеется у девочки 10–11 лет. Данный факт свидетельствует о том, что эти застёжки возможно являются возрастным маркером и ранее возраста невесты у терюханок встречались редко. По застёжкам подобные же наблюдения были сделаны Л. Н. Лукашовой по материалам Левженского могильника (Республика Мордовия) на более широкой выборке, и озвучены на XXX Межрегиональных краеведческих чтениях (Саранск, 27 ноября 2023 г.) в докладе «Комплекс головного убора из погребений грунтового могильника у с. Левжа в Рузаевском районе Республики Мордовия». По её подсчётам, обычные застёжки характерны для любого возраста (только такие встречаются у девочек), в то время как со вставками из стекла также только начиная с возраста невест. Совпадение результатов из разных памятников, на наш взгляд, говорит о том, что у мордвы в XVII в. (Левженский могильник датируется 2-й п. XVII – 1-й п. XVIII в.) это было обычным правилом независимо от региона проживания. В Старосельском могильнике часть женщин с такими застёжками жила и в XVI в., что позволяет также характеризовать и это время.

Серьги обнаружены у 5 женщин, как детского возраста (п.п. 25, 36, 39), так и у женщины среднего (п. 14) и пожилого возраста (п. 31). Это говорит о том, что в ношении данного украшения нет возрастных различий.

Монеты встречены в 7 погребениях, из которых 4 – детские (п.п. 12, 33, 34, 36), 3 взрослые (п.п. 14, 21, 38). Датируются они соответственно от Великого князя Московского

Ивана III до царя Алексея Михайловича (точнее 1480–1679 гг.), охватывая весь период, рассматриваемый в данной работе. Счётный жетон (пфенниг), встречен только у одной девочки в возрасте около года (п. 33), захороненной вместе с женщиной в возрасте 35–40 лет (возможно с матерью).

Бусы обнаружены также у 7 женщин, но распределяются иначе. Имеются только у 2-х девочек (п. 23 и п. 25), в возрасте 9–11 лет и у 5 женщин (п.п. 21, 31, 32, 38) разных возрастов. Во-первых, это говорит о том, что в это время бусы также, как и в золотоордынский период, начинали носить с детского возраста (Козлов, 2024, С. 142-160). Во-вторых, если сравнить детские костюмы Старосельского могильника, представленные в Таблице 1, то можно увидеть, что бусы есть не у всех. С чем это связано – пока не ясно. Раковины каури и бисер, являющиеся частями нагрудных украшений от ожерелий имеются также у женщин разных возрастов.

Браслеты, которые в золотоордынское время, как правило, являлись принадлежностью взрослых женщин, в Старосельском могильнике представлены у 5 женщин (п.п. 14, 21, 31, 32, 38) и специальный маленький – только у 1-й девочки (п. 33, возможно дочери женщины из п. 32). Относится это и к перстням, обнаруженным на местах ношения только у взрослых женщин (п.п. 14, 31, 32, 38), у одной девочки надетым на застёжку (п. 23).

«Венцы», состоящие из проволочных пронизок, соединенных нитями, и бус-подвесок на концах, обнаружены только в костюме у женщин из п.п. 31, 32, 38. Причем женщины из п. 31 и п. 38 были похоронены возле мужчин (видимо их мужей), образуя с ними парные комплексы (п. 30–31, п. 37–38).

Помимо самих украшений, стоит отметить и их скопления, которые по встречающимся фрагментам бересты и аналогиям из Сарлейского терюханского могильника (Горюнова, 1948. С. 14), можно соотнести с берестяными туесками. Они обнаружены возле головы только у взрослых женщин (п.п. 14, 21, 31, 38).

Жертвенная пища или жертвоприношение, в виде костей птицы (курицы), обнаружены в погребениях взрослых женщин (п.п. 31, 38) и девочки (п. 25). Данный аспект погребальной практики мордвы-терюхан, в том числе и по материалам Старосельского могильника, был рассмотрен в работе Е. Ю. Федоровой и Е. В. Четвертакова (Федорова, Четвертаков, 2019).

Керамические пряслица были у 2-х женщин (п. 21 и п. 38). Обе женщины, судя по нумизматическому материалу, жили в XVI в. и в более поздних погребениях пряслица не встречаются. Видимо, здесь мы можем видеть последний период их положения с покойницами.

Примеры комплексов украшений и предметов быта девочек (п. 39 и п. 36), молодой женщины (п. 21), женщины зрелого возраста (п. 38) и пожилой женщины (п. 31) из Старосельского могильника представлены на Рис.1-3.

Несмотря на отсутствие пока равноценных материалов по качеству, с определенной долей условности эти результаты можно сверить с материалами по мордве-мокше из Кельгининского могильника (Республика Мордовия). Несмотря на отсутствие антропологических определений, достаточно надежно выявляются детские погребения – по размеру могилы и скелета. Так, из 40 детских погребений, датируемых XVI–XVIII вв., детский маленький браслет обнаружен только в одном (п. 396), перстни в 2-х (п.п. 345, 372). При этом лопастные сюльгамы найдены у 30 девочек, бусы у 28, монеты у 17, серьги у 12, бубенцы у 10-х (Беляев, Вихляев, Зеленцова, 1998; Пронин, Вихляев, 2016). Нет ни одного случая обнаружения накосников – «пулакерь», железных подковок сапог, характерных для взрослых женщин мокшанок. В Кельгинино также обнаружено несколько застёжек со вставками из стекла, бусы, серьги, браслеты, монеты, множество перстней, «пулакерь» и др. – почти во всех погребениях женщин более старших возрастов. Соответственно общими для всех возрастов являются бусы, серьги, монеты, сюльгамы. Только у взрослых женщин встречаются накосники «пулакерь», сапоги, перстни, браслеты, застёжки со стеклянными вставками. Здесь мы видим совпадение с терюханками по браслетам и перстням, застёжкам со стеклянными вставками. Также к категории предметов взрослых женщин относятся накосники – аналог терюханского «венца».

Несколько иную картину демонстрируют материалы родственных мордве марийцев (черемисы), живших в бассейне р. Вятки – по данным раскопок Кадочниковского могильника XVI–XVIII вв. (Шапран, Сенникова, 2014). Среди погребений могильника выявлено по возрасту 19 женщин; браслеты имеются только у взрослых женщин (7), у маленьких девочек отсутствуют серьги, но перстни появляются уже у девочек-подростков 12–15 лет. Кроме маленьких девочек у остальных женщин присутствуют застёжки – иного облика чем у мордовок. Вообще отсутствуют стеклянные бусы, единично имеется бисер и ожерелья из него. Эти факты свидетельствуют, что между мордвой и марийцами в это время были как сходства (в ношении браслетов), так и различия (в ношении перстней, застёжек), позволяющие говорить об отличительных особенностях этих народов друг от друга в плане традиций и напротив, позволяющие выявить собственно мордовские особенности.

Данные этнографии марийцев по XIX–XX вв. вполне соотносятся с мордвой. Как указано в этнографическом исследовании А. Ю. Заднепровской, единственными украшениями марийских девочек были ожерелья из бус и бисера, в то время как девочки до 15 лет носили уже застёжки с ожерельями, бусами, раковинами каури. У невест костюм был наиболее

насыщен как вышивкой, так и украшениями – появляются накосники, головные повязки, ажурные цепочки с наспинными подвесками для лент. Ещё более многообразно выглядели и замужние женщины 20–30 лет. Повседневно носили перстни, застёжки одежды. Женщины после 40–45 лет даже на праздники носили ограниченное количество украшений – височные и шейные, застёжки-сюльгамы (Заднепровская, 1982. С. 129). При этом наименьшее количество украшений носили девочки и женщины старческого возраста. Например, по застёжкам соотношения были следующими: девочки – 1–2, девушки – 3–4, женщины – 3–5, старухи – 1–3 (Шапран, Сенникова, 2014. С. 34).

В мордовской этнографии данные закономерности имеют такое же направление и самым нарядным был костюм невесты и молодой жены. При этом у мордовок возраст совершеннолетия определяется в 16 лет (Корнишина, 2012. С. 294–318). Известно, что различались как сами костюмы и входившие в их состав элементы, не только между народами (в данном случае марийцами и мордвой), так это было и внутри этих народов между субэтносами и этнографическими группами (между мокшей, эрзей и терюханами, каратаями у мордвы). Материалы этнографии XIX–XX вв. не так красноречивы; тогда различия между народами начали сглаживаться благодаря формированию общероссийского рынка и росту промышленности, в отличии от более раннего времени – XVI–XVII вв., что очевидно по материалам археологии приведенным выше.

Различия между девушками и замужними женщинами среди мордовок также были замечены П. С. Палласом, наблюдавшим их при своём путешествии в районе р. Пьяны в 1768 г. (Паллас, 1773. С. 83). В работе, посвященной традиции ношения украшений мордовскими женщинами в золотоордынский период, нам удалось проиллюстрировать это явление на фотографии одной мокшанской семьи из Пензенской губернии (пос. Загибалиха, 1927 г.), где присутствуют женщины разных возрастов (мать и дочери) и видно, насколько сильны были отличия в связи с возрастом. Браслеты как важный атрибут невесты нашли отражение в старинной мордовской сказке про Дуболго Пичай (Козлов, 2024, С. 157).

Материалы женских комплексов XVI–XVII вв. Старосельского могильника подтверждают выявленную ранее на материале золотоордынского времени традицию возрастных различий у мордвы в ношении тех или иных категорий украшений. Как и в предшествующую эпоху атрибутами невесты (с 16 лет), являлись перстни и браслеты. В эпоху Великого княжества Московского и Российского царства сюда добавились застёжки со стеклянными вставками на концах.

По золотоордынскому времени на основе датированных монетами материалов нам удалось выявить хронологические особенности в бытовании некоторых предметов убранства женского костюма и украшений в рамках 1-й половины XIV в. Это обусловлено тем, что

определение нижнего порога бытования, выявленного в связи с возрастом получения некоторых украшений – браслетов и перстней, позволяет при определении возраста умершей женщины, вполне аргументировано датировать эти предметы в пределах десятилетий. Не являются исключением из этого и материалы XVI–XVII вв., несмотря на то, что ходившие в то время монеты, не так часто подвергались перечеканке, как в эпоху Золотой Орды.

Хорошим примером этого является комплекс п. 38 Старосельского могильника, женщины среднего возраста (35–40 лет) (Рис.2), похороненной возле мужчины (п. 37, возможно её муж). У обоих умерших имеется датирующий материал, это монета великого князя Ивана III (1480–1505 гг.) и монета великого князя Ивана IV (1535–1547 гг.). При этом первая монета обрезана, что свидетельствует о том, что попала к мужчине из п.37 до денежной реформы 1535–1538 гг., предпринятой при опекуне малолетнего Ивана IV, его матерью Еленой Глинской (Мельникова, 1989. С. 14–18). Вторая монета соответственно начала чеканиться в её ходе, заменяя старые (в том числе и Ивана III). Эти факты позволяют предположить, что умерли супруги незадолго после начала денежной реформы (отсюда нахождение монеты старого и нового образца), явно после 1535 г., но до 1547 г. – это 1530–1540-е гг. Получаем период жизни женщины в пределах: 1535(40) г. – 35(40 лет) = 1495–1500-е гг. Зная, что мордовки получали перстни и браслеты в возрасте не ранее 15 лет, можно вычислить и время их появления у этой женщины: 1495(1500) + 15 = 1510–1515 гг., т.е. в целом первые десятилетия XVI в. (1500–1510-е гг.). Этим временем можно датировать и имеющиеся у неё витые из проволоки с перевитью застёжки со стеклянными вставками на концах (Рис.2.1, 6). Датировка браслетов из комплекса п.38 вполне согласуется с другими датированными материалами. Точно такие же двускатные браслеты как в п. 38 (Рис. 4.А), с аналогичным орнаментом, обнаружены в мордовском женском погребении на Рождественском городище в Нижнем Прикамье, где найдена монета XV в. вместе с подковообразными застёжками из витой проволоки (Руденко, 2001. С. 198, Рис. 39, *9–13*. С. 198) (Рис. 4.Б).

Приведенный пример показывает, что описанные выше традиции позволяют уточнить время бытования тех или иных вещей и имеют прикладное практическое значение. Стоит отметить, что комплекс п. 37–38 Старосельского могильника пока является первым среди мордовских погребений, позволяющим выделить древности 1-й четверти XVI в., что в свою очередь является хорошим фундаментом для изучения древностей предшествующего времени – XV в. (наиболее слабо изученный период в мордовских древностях) и последующего – XVI в.

Использование методологии социальной археологии в исследовании различных аспектов жизни мордовского народа, позволяет получать как достоверную статистическую информацию, так и выявлять процессы, характерные для жизни народа и его традиции в

различные эпохи. В данной работе сделана попытка выявить традиции ношения украшений мордовскими женщинами из этнографической группы терюхан, основанная на статистической обработке материалов раскопок Старосельского могильника, с привлечением данных других памятников и сопоставлением с предшествующим временем. Выявленные возрастные особенности ношения украшений позволяют уточнить время их производства и использования. На примере одного из комплексов этого памятника выявлены предметы начала XVI в. Безусловно, выводы, сделанные на столь небольшом материале, требуют уточнения, а тематика социальной археологии и хронологии мордовских древностей XVI–XVIII вв. дальнейшей разработки.

Автор выражает благодарность Е. В. Четвертакову за возможность использования материалов раскопок Старосельского терюханского могильника.

Список источников и литературы.

Андреев С. И. Бокинский могильник средневековой мордвы // Российская археология. М. РАН. 2020. Вып.2. С.151–166.

Беляев Я. В., Вихляев В.И., Зеленцова О.В. Кельгининский могильник: Раскопки 1990-х гг.Саранск. Тип. «Красн. Окт.», 1998. 168 с.

Берсенева Н. А. Возрастная и гендерная дифференциация в обществах Южного Урала II тыс. до н.э. (по материалам погребальных памятников). Том 1. / диссерт. на соиск. уч.ст. д. н. Екатеринбург. 2019. 838 с.

Берсенева Н. А. Социальная археология: возраст, гендер и статус в погребениях саргатской культуры. Екатеринбург: УрО РАН. 2011. 204 с.

Вихляев В. И., Пронин А. С. Средневековая мокша. Первые века вместе с Древней Русью. Материалы раскопок Кельгининского могильника 1999–2001 гг.: Монография; под общ. ред. Ю. А. Зеленеева. Саранск. Изд-во Мордов. ун-та. 2016. 356 с.

Горюнова Е. И. Сарлейский могильник // Археологический сборник. Вып.1. Саранск, Мордов. гос. изд-во. 1948. 259 с.

Заднепровская А. Ю. Марийские украшения XIX – начала XX века как этнографический источник // Памятники культуры народов Европы и европейской части СССР / Сб. МАЭ. Т.XXXVIII. Л. 1982. С.122–134.

Козлов Д. А. «Возрастные особенности ношения украшений мордовскими женщинами в золотоордынский период (По материалам Барбашинского могильника)» // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовии. Саранск. 2024. Вып.2. С.142-160.

Корнишина Г. А. Традиционно-обрядовая культура мордвы // Мордва: очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа / Изд. 3-е. Саранск: Мордов. кн. изд-во. 2012. С.294–318

Лукашова Л. Н. «Комплекс головного убора из погребений грунтового могильника у с. Левжа в Рузаевском районе Республики Мордовия» // XXX «Краеведческие чтения», посвященные 105-летию с момента основания Мордовского объединенного краеведческого музея им. И. Д. Воронина. Саранск, 27 ноября 2023 г.

Мельникова А. С. Русские монеты от Ивана Грозного до Петра Первого (история русской денежной системы с 1533 по 1682 г.). М.: Изд-во «Финансы и статистика». 1989. 318 с.

Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского Государства. Том 1. СПб.: Изд-во Императорской Академии наук, 1773. 785 с.

Плетнева Л. М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. 350 с.

Руденко К. А. Материальная культура булгарских селищ низовий Камы XI–XIV вв. Казань: РИЦ «Школа», 2001. 220 с.

Федорова Е. Ю., Четвертаков Е. В. Жертвоприношение домашней птицы в обрядах мордвы-терюхан / Богатство финно-угорских народов: материалы VI Международного финно-угорского студенческого форума (г. Йошкар-Ола, 15–16 мая 2019 г.) / Мар. гос. ун-т. Йошкар-Ола, 2019. Вып. 6. С.192–195.

Четвертаков Е. В. Отчет об археологических раскопках на могильнике Староселье 3 в Дальнеконстантиновском районе Нижегородской области в 2017 году // 2018. 129 с.

Четвертаков Е. В. Отчет об археологических раскопках на могильнике Староселье 3 в Дальнеконстантиновском районе Нижегородской области в 2018 году // 2019.132 с.

Четвертаков Е. В. Отчет об археологических раскопках на могильнике Староселье 3 в Дальнеконстантиновском районе Нижегородской области в 2019 году // 2020.140 с.

Четвертаков Е. В. Отчёт об археологической разведке на территории Дальнеконстантиновского и Краснобаковского районов Нижегородской области в 2016 году. 2017. 152 с.

Шапран И. Г., Сенникова Л. А. Вятские марийцы в XVI–XVIII вв. (по материалам Кадочниковского могильника). Материалы и исследования Камско-Вятской археологической экспедиции. Ижевск, 2014. Т.28. 248 с.

Таблица 1. Распределение предметов убранства костюма и украшений. Старосельский терюханский могильник.

Раскопки Е.В. Четвертакова, 2017-19 гг.																	
№ погребения	Возраст	категория украшений и предметов быта															
		серьга	Застёжка подкововидная	Застёжка подкововидная со стеклянными вставками	монета	счётный жетон	бусы	раковины каури	бисер	бусы-подвески от «венца»	браслет	перстень	булавка	пряслице	пуговица	жертвенная пища	тусок с украшениями и предметами быта
12	9-11				+												
14	30-35	+	+	+	+		+				+	+					+
15	2-3		+														
21	20-25		+	+	+		+	+			+			+			+
23*	9-11		+				+	+	+			+*					
25	10-11	+	+	+			+										
31**	40-50	+	+	+			+	+	+	+**	+	+				+	+
32***	35-40		+				+	+	+	+	+	+					
33	1		+		+	+		+			+						
34	1		+		+												
36	11-13	+	+		+										+		
38****	35-40		+	+	+		+	+	+	+	+	+	+	+		+	+
39	5-6	+	+														
Всего: 13. Девочек - 8, Молодая - 1, Среднего возраста – 3, Пожилая - 1																	
Примечания: *перстень был надет на застёжку, **п.31 является парным с мужским п.30, от украшения накосника сохранились пронизи, ***п.32 и 33 является совместными и обнаружены в одной могиле, ****п.38 является парным с мужским п.37																	

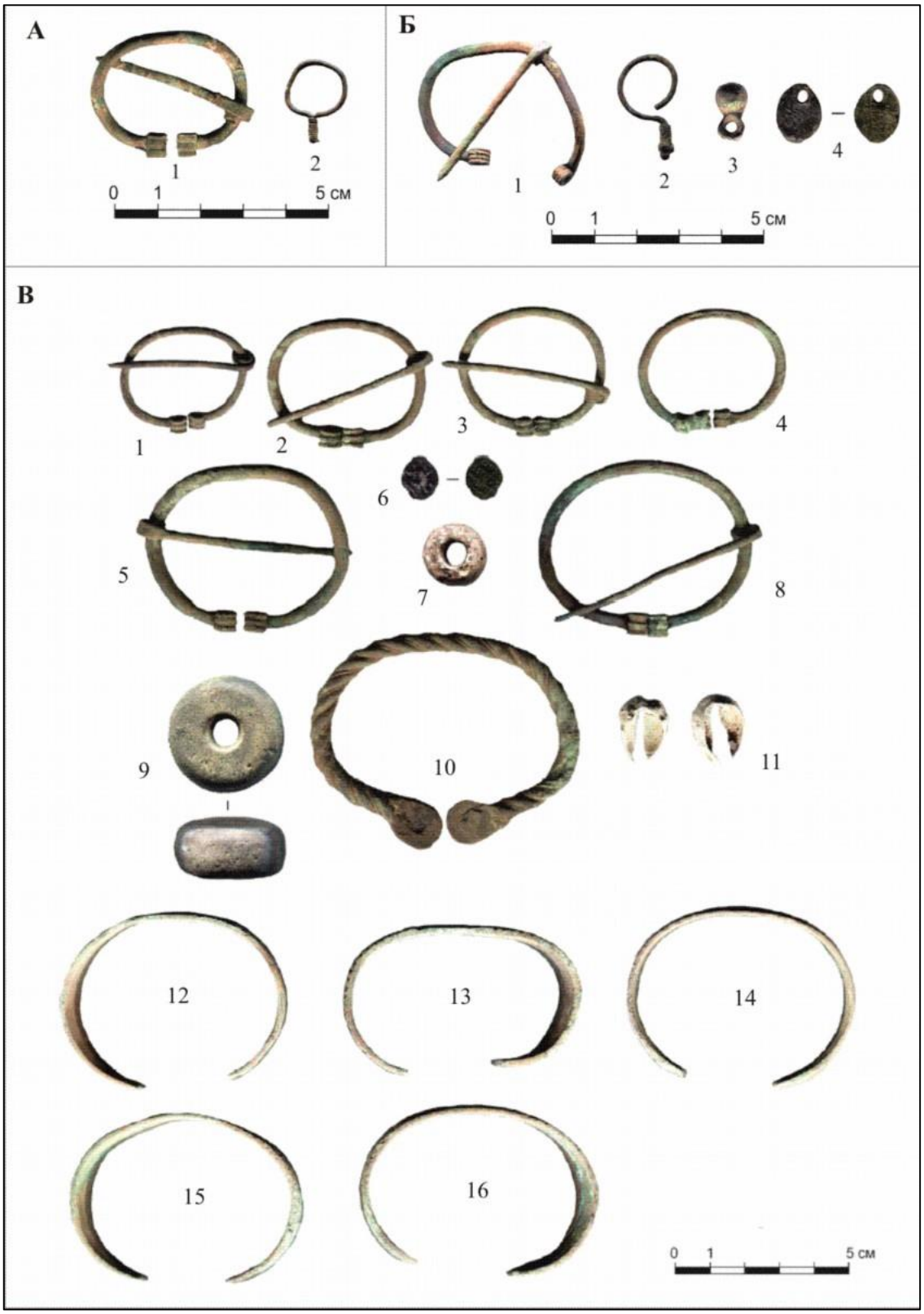

Рис. 1. Комплексы погребений (по Е. В. Четвертакову, 2018–2019 гг.).

А - п. 39: 1 – застёжка, 2 – серьга; Б – п. 36: 1 – застёжка, 2 – серьга, 3 – пуговка, 4 – монета (царь Михаил Федорович, 1613–1625 гг.); В – п. 21: 1–5, 8 – застёжки; 6 – монета (царь Иван Васильевич IV, 1547–1584 гг.), 7 – бусина; 9 – пряслице; 10 – застёжка со стеклянными вставками (отсут.); 11 – раковины каури; 12–16 – браслеты. А1,2; Б1–3; В1–5, 12–16 – сплавы на основе меди; Б4, В6 – серебро; 7 – стекло; 9 – глина; 10 – сплав на основе меди, стекло (отсут.).

Рис. 2. Комплекс п.38 (по Е. В. Четвертакову, 2019 г.):
1, 2, 6 – застёжки со стеклянными вставками; 3–5, 7–14 – застёжки; 15–17 – перстни; 18, 19 – булавки; 20 – монета (царь Иван Васильевич IV, 1547–1584 гг.); 21–23 – бусы; 24–37 – раковины каури; 38–138 – бисер; 140 – пряслице; 141–146 – браслеты. 1, 2, 6, 15–17, 141–146 – сплав на основе меди; 3–5, 7–14, 18, 19 – сплав на основе меди, стекло; 20 – серебро; 21–23, 38–139 – стекло; 140 – глина.

Рис.3. Комплекс п. 31 (по Е. В. Четвертакову, 2019 год):
1-5 – перстни; 6, 7, 16, 17 – браслеты; 10–15 – застёжки; 8, 9 – застёжки со стеклянными вставками; 18–33, 74–82 – бусы; 34-72 – пронизки; 73 – серьга; 83–663 – бисер. 1–7, 10–17, 34–73 – сплав на основе меди; 8, 9 – сплав на основе меди, стекло; 18–33, 74–663 – стекло.

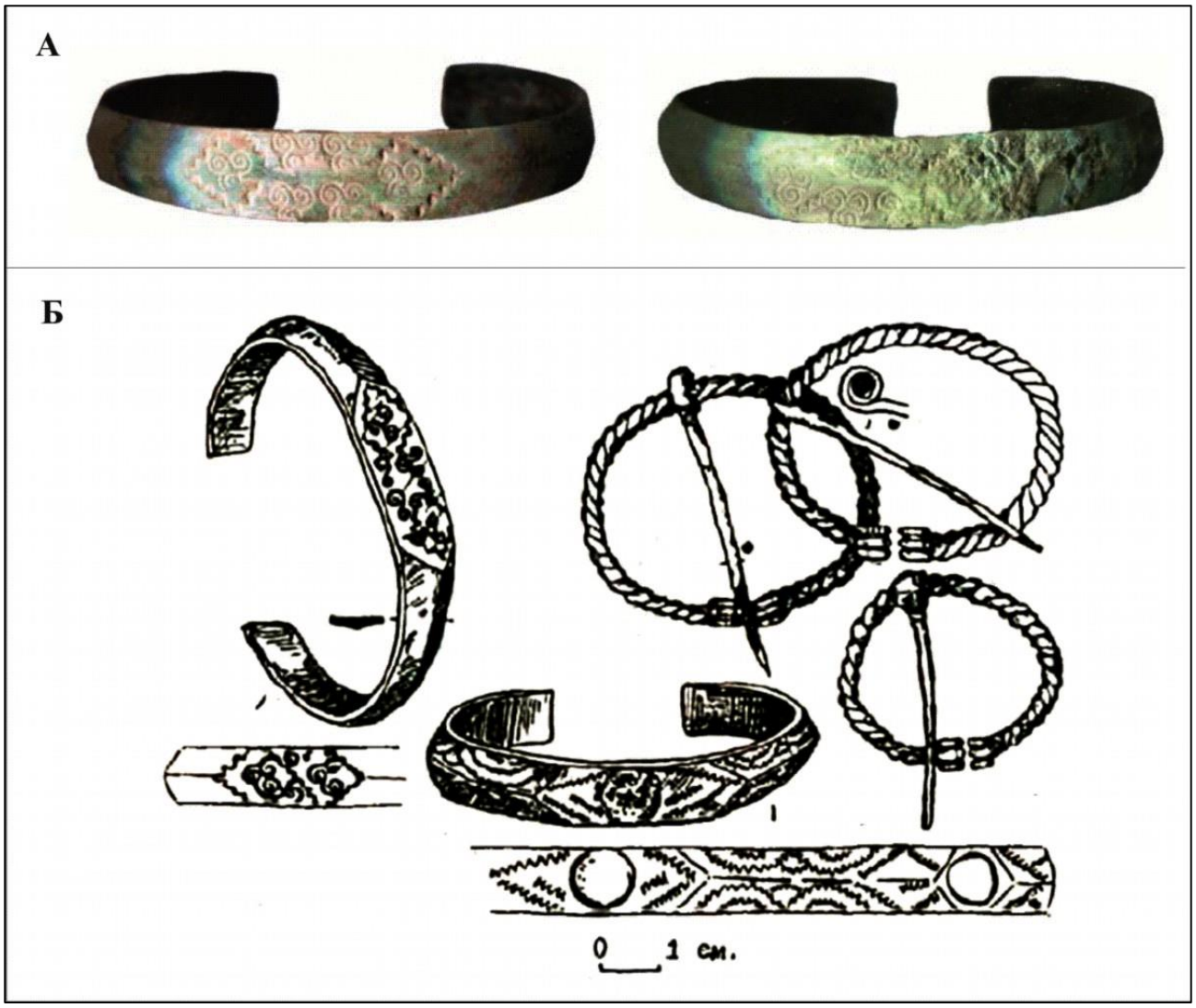

Рис.4. А - браслеты из п. 38 Старосельского могильника (по Е. В. Четвертакову, 2019); Б - аналогии им в женском погребении на Рождественском городище (по К. А. Руденко, 2001).